

Дневникъ № 6—Г. В. ПЛЕХАНОВА.

„Об щ е е г о р е“.

Дума разогнана. Фактъ ея разгона подѣйствовалъ на русскихъ гражданъ ошеломляющимъ образомъ.

„Наша жизнь“,—въ статьѣ „Роспускъ Государственной думы“, № 494,—говоритъ, описывая настроеніе петербуржцевъ: „Никто отъ неожиданности не отдалъ себѣ отчета въ происшедшемъ, не составилъ себѣ плана дѣйствій“. Въ томъ же номерѣ той же газеты г. В—зовъ сообщаетъ, что одинъ изъ депутатовъ, ѣхавшихъ въ Выборгъ на знаменитое отнынѣ совѣщаніе, замѣтилъ: „сегодня всѣ одинаково мыслятъ, горе у насъ у всѣхъ одно общее и это-то горе такъ сплотило, соединило въ одно“.

Въ „Новомъ времени“ (№ 10893) г. Ал. Кв. говоритъ, что на Варшавскомъ вокзалѣ ему встрѣтились три крестьянскихъ депутата отъ западныхъ губерній. По его словамъ, эти депутаты „положительно со слезами покидали столицу. Передъ отъѣздомъ побывали въ Казанскомъ соборѣ, проѣхали еще разъ къ Таврическому дворцу, попрощались со своею Думою, и молча на вокзалъ“. Это по истинѣ трогательно. Но, признаюсь, мнѣ не совсемъ понятно это огорченіе. Точнѣе сказать: оно понятно мнѣ только со стороны тѣхъ депутатовъ, которые не понимали истиннаго положенія дѣлъ, т. е. прежде всего политической роли Государственной думы.

Что Дума можетъ быть разогнана, это должны были знать всѣ. И чѣмъ больше обострялось ея столкновеніе съ министерствомъ, тѣмъ очевиднѣе становилось, что если правительство не захочетъ уступить, призвавъ ко власти

„роспуску“ Думы (чтобы употребить здѣсь мягкое выраженіе „Нашей жизни“). Весь вопросъ былъ въ томъ, когда именно приметъ оно свое рѣшеніе въ ту или въ другую сторону. Разумѣется, было бы гораздо лучше, если бы правительство приняло его не такъ скоро. Но для кого лучше? Во всякомъ случаѣ не для правительства. Для правительства всего лучше было, наоборотъ, какъ можно скорѣе довести конфликтъ до самой крайней степени обостренія. Лучше—потому, что въ нынѣшней нашей политической атмосферѣ, его силы таютъ съ каждымъ днемъ. Подъ дѣйствіемъ этой атмосферы разлагается его послѣдняя опора: армія. Но разложеніе этой его послѣдней опоры *только еще началось*. Если бы дѣло теперь же дошло до открытой борьбы съ оружіемъ въ рукахъ, то войско, за самыми малыми исключениями, было бы еще на сторонѣ „порядка“. А если процессъ разложенія пойдетъ дальше, то дѣло приметъ совсемъ другой оборотъ: большая часть войска перейдетъ на сторону *свободы*.

Это хорошо извѣстно правительству, и потому правительство, въ интересахъ самосохраненія, поспѣшило разогнать Думу. Повторяю, очень жаль, что оно догадалось сдѣлать это. Но я все-таки не понимаю, откуда у противниковъ нашего стараго порядка берется угнетенное настроеніе духа. Неужели ихъ упованія приурочивались къ недогадливости правительства? Неужели только надежда на эту недогадливость поддерживала ихъ энергію? Если это такъ, то ихъ энергія была весьма незначительна. Плохъ тотъ боецъ, который вѣритъ въ свою побѣду только потому, что рассчитываетъ на промахи противника.

Кромѣ того, наше „общее горе“ вовсе не такъ велико, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Ходъ общественнаго развитія опредѣляется соотношеніемъ общественныхъ силъ, а что касается этого соотношенія, то „рос-

пускъ“ Думы измѣнилъ его не въ сторону реакціи, а въ сторону революціи.

Наши бланкисты упорно держались того убѣжденія, что мы должны бойкотировать Думу, такъ какъ въ противномъ случаѣ наша тактика способствовала бы укрѣпленію въ народѣ „конституціонныхъ иллюзій“. На самомъ дѣлѣ, чтобы разбить „конституціонныя иллюзій“ народа, надо было не бойкотировать Думу, а принять дѣятельное участіе въ ея работахъ. Только опытъ можетъ показать веѣмъ, кто этого еще не видитъ,—а такихъ, къ сожалѣнію, еще много,—что народное представительство въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь, не имѣетъ никакихъ правъ, никакой юридической силы. Чѣмъ болѣе обнаруживалось юридическое безсиліе нашего народнаго представительства, тѣмъ болѣе разбивалась въ умахъ народа та иллюзія, что „конституція“, дарованная намъ въ октябрѣ, можетъ явиться орудіемъ обновленія нашей общественной жизни. А разъ уничтожится эта иллюзія,—народъ станетъ добиваться *другой*, настоящей, конституціи, *другого*, настоящаго, своего представительства, обеспечивающаго его самодержавіе, и тогда онъ вынужденъ будетъ понять то, что онъ еще плохо понимаетъ теперь, т. е. то, что самые насущные его экономическіе интересы требуютъ созыва Учредительнаго Собранія на основѣ знаменитой четырехъ-членной формулы.

„Роспускъ“ Государственной думы является предметнымъ урокомъ, наглядно показывающимъ народу истинное значеніе октябрьской „Конституціи“. Правда, для ученика было бы гораздо полезнѣе, если бы этотъ урокъ былъ данъ ему послѣ того, какъ онъ приобрѣлъ бы болѣе значительную политическую подготовку, которой такъ сильно способствовала борьба реакціи съ революціей въ Думѣ. И вотъ почему,—повторяю—было бы лучше если бы правительство не такъ скоро разогнало Думу. Но какъ бы тамъ ни было, а несомнѣнно то, что и въ настоящее время этотъ предметный урокъ подвинетъ очень далеко впередъ политическое сознаніе ученика. А этимъ сознаніемъ,—и только имъ однимъ,—обуславливаются всѣ шансы побѣды свободы надъ рабствомъ. О чемъ же горевать?

Горевать можно развѣ только о томъ, что, благодаря „роспуску“ Думы, должна растаять, „яко таетъ воскъ отъ лица огня“, всякая надежда на *мирное* рѣшеніе переживаемаго Россіей кризиса. Но уже съ самаго начала этого кризиса всякому дѣятелю, не ослѣпленному политическимъ доктринерствомъ, ясно было, что такая надежда принадлежитъ къ числу совершенно неосновательныхъ „мечтаній“.

Манифестъ, съ которымъ обратились къ народу собравшіяся въ Выборгѣ бывшіе члены Государственной думы, повидимому, свидѣтельствуетъ о томъ, что отъ мечтанія о мирномъ рѣшеніи кризиса отказываются теперь даже люди, всегда относившіеся съ нерасположеніемъ и съ недоверіемъ къ революціонному способу дѣйствій. Призывая гражданъ Россіи къ отказу отъ уплаты податей и отъ исполненія воинской повинности, депутаты, подписавшіе Манифестъ, тѣмъ самымъ зовутъ ихъ *на путь революціи*. Въ этомъ смыслѣ поняла ихъ обращеніе къ народу вся западно-европейская печать. И она, конечно, не ошиблась. Если народъ послѣдуетъ совѣту бывшихъ своихъ представителей, то онъ вступитъ въ открытую революціонную борьбу съ правительствомъ. Это врядъ-ли нуждается въ разъясненіяхъ.

Но если это такъ, если „роспускъ“ Государственной думы убѣдилъ даже многихъ изъ депутатовъ, не принад-

лежащих къ „лѣвымъ“ партіямъ, въ томъ, что мирное развитіе невозможно для Россіи; если Выборгскій манифестъ зоветъ народъ на путь революціонной борьбы, то спрашивается: сказано-ли въ этомъ Манифестѣ именно то и все то, что слѣдовало сказать въ революціонномъ обращеніи народныхъ представителей къ народу?

По моему, нѣтъ, не сказано.

Я считаю неправильной ту точку зрѣнія, на которую встали депутаты въ своемъ воззваніи.

Рекомендуемый ими отказъ отъ уплаты податей и отъ исполненія воинской повинности является актомъ самаго несомнѣннаго революціоннаго значенія. Но если бы сознательная часть нашего народа ограничилась такимъ отказомъ, то этимъ сила его революціоннаго сопротивленія правительству была бы доведена до минимума, что, разумеется, вовсе не въ интересахъ освободительнаго движенія. Почему же депутаты не рекомендовали народу ничего другого? Потому-ли, что все другое казалось имъ не цѣлесообразнымъ? Или потому, что имъ хотѣлось сохранивъ за народнымъ протестомъ характеръ законности?*)

Но это послѣднее врядъ-ли удастся: „законное“ сопротивление властямъ скоро перейдетъ въ незаконное. Что же касается цѣлесообразности, то на войнѣ наиболѣе цѣлесообразно то, что наноситъ наибольшій вредъ неприятелю, а способъ, рекомендованный народу Выборгскимъ манифестомъ, именно и не принесетъ неприятелю всего того вреда, который нужно и должно нанести ему въ интересахъ свободы.

Главный вопросъ, который должны были поставить депутаты въ своемъ манифестѣ, состоялъ въ томъ, насколько соотновѣтствуетъ интересамъ народа такое народное представительство, которое можетъ быть распушено прежде, чѣмъ ему удастся выполнить народныя требованія. Достаточно было поставить этотъ вопросъ, чтобы онъ самъ отвѣтилъ на себя отрицательно. А отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ прямо привелъ бы депутатовъ къ тому выводу, что интересы народа требуютъ созыва Учредительнаго Собранія, и что если этому созыву будетъ предшествовать созывъ новой Думы, то и на участіе въ этой Думѣ надо смотрѣть лишь, какъ на одинъ изъ этаповъ на пути къ этой цѣли, какъ на одинъ изъ видовъ революціонной работы, подготавливающей политическую почву для названнаго собранія. Все остальное содержаніе Манифеста должно было разволноваться вокругъ этой главной мысли, и все оно должно было логически вытекать изъ нея.

Сдѣлавъ выводъ о необходимости созыва Учредительнаго Собранія, естественно было выяснить, что же дѣлать для того, чтобы осуществить этотъ выводъ на практикѣ. И тутъ прежде всего слѣдовало пригласить сознательныхъ гражданъ въ энергичному распространенію его въ отсталыхъ слояхъ населенія и, —last not least, —въ войскѣ. Слѣдовало выяснить, что народъ имѣетъ полную возможность нравственно воздѣйствовать на войско, составляющее плоть отъ плоти и востъ отъ его костей, и что когда революціонная идея проникнетъ въ войско, тогда уже ничто не будетъ препятствовать народному освобожденію, тогда уже легко будетъ справиться съ реакціей. А что именно понадобится дѣлать тогда, когда революціонная идея совершитъ это предварительное, —необходимое и неизбежное, —завоеваніе, объ этомъ не было нужды, да и невозможно было, заговоривъ въ Манифестѣ. Его читатели сами поняли бы, что еще разговаривать объ этомъ (такъ какъ „довѣтъ

днечи злоба его“), и что объ этомъ можно и полезно будетъ говорить только тогда, когда „злостью дня“ станутъ похороны нашего, пока еще продолжающаго жить и вредить, стараго порядка. Словомъ, Манифестъ долженъ былъ сказать: „готовьтесь, ибо близится время“. И народъ вынулъ бы голосу Манифеста; онъ сталъ бы готовиться, и чѣмъ энергичнѣе готовился бы онъ, тѣмъ болѣе приближалось бы время...

„Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ разосланъ по всей Имперіи, —напечатано въ № 494 „Нашей Жизни“, —циркуляръ, въ которомъ, напоминая объ обычномъ чтеніи Высочайшихъ манифестовъ па всѣхъ волостныхъ и сельскихъ сходахъ предписывается губернаторамъ, чтобы они приняли всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, для того, чтобы манифестъ сталъ извѣстенъ положительно каждому крестьянину“.

Это очень умно со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Лассаль былъ правъ, говоря: „слуги реакціи не краснобаи, но дай богъ, чтобы у прогресса было побольше такихъ слугъ“. Министерство внутреннихъ дѣлъ поняло что исходъ нынѣшняго столкновенія зависитъ отъ того, что скажетъ „каждый отдѣльный крестьянинъ“, и оно принимаетъ свои мѣры къ тому, чтобы повліять на „каждаго отдѣльнаго крестьянина“. Друзья свободы должны, въ своей очередь, принять мѣры къ тому, чтобы политическая задача настоящей минуты была правильно понята всѣмъ народомъ. Теперь это важнѣе всего. И всѣ тѣ партіи, которыя участвуютъ въ этомъ движеніи, должны были бы немедленно столкнуться между собою для взаимной помощи въ этомъ дѣлѣ.

Всѣ мы признаемъ правильность тактической формулы: „врозь идти, вмѣстѣ бить!“ „Вмѣстѣ бить“ необходимо, если мы хотимъ придти къ побѣдѣ. Но для того, чтобы „вмѣстѣ бить“, надо предварительно сговориться, иначе „совмѣстное битье“ можетъ явиться развѣ лишь дѣломъ случайности, а вовсе не исполненіемъ *заранѣе обдуманнаго плана*.

Для того, чтобы „вмѣстѣ бить“ неприятеля своему пропагандой, партіи, враждебныя нашему старому порядку, должны предварительно согласиться между собою на счетъ *основной идеи этой пропаганды*. А послѣ разгона Думы такой идеей можетъ служить только *идея Учредительнаго Собранія, какъ политическаго средства удовлетворенія экономическихъ и всѣхъ прочихъ нуждъ народа*.

Въ № 125 „Ръчи“, въ статьѣ „Къ моменту“, я прочталь напоминая о томъ, „что еще рано заботиться о своихъ *классовыхъ* интересахъ, что необходимо прежде всего обезпечить *общенародное* дѣло, нисколько не ограждаемое существующими лишь на бумагѣ правами“. Это совершенно вѣрно. И къ этому остается только прибавить, что такъ какъ *классовые* интересы пролетаріата рѣшительно ни въ чемъ не расходятся съ *общенародными*, то ему нѣтъ никакой надобности забывать ради общихъ интересовъ всего народа объ интересахъ своего класса.

О „трудомовѣ“ крестьянствѣ этого уже нельзя сказать съ такою рѣшительностью, какъ о пролетаріатѣ. Его *классовой* интересъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ довольно сильно разойтись съ *общенароднымъ*. Но его *классовой* интересъ не только не можетъ пострадать вслѣдствіе созыва Учредительнаго Собранія, но, наоборотъ, только такимъ собраніемъ онъ и можетъ быть удовлетворенъ и огражденъ сколько-нибудь серьезно. Вотъ почему сознательные представители „*трудомовы*“ крестьянства, навѣрное, будутъ относиться сочувственно къ созыву такого собранія. А вотъ что касается тѣхъ *общественныхъ слоевъ*, которые были представлены въ Думѣ *кадетской партіей*, то есть нѣкоторое основаніе думать, что къ мысли о созывѣ Учредительнаго Собранія они отнесутся съ извѣстною *недовѣрчивостію*, именно вслѣдствіе опасенія за свои „*элек-*

*) Они говорятъ, правительство не имѣетъ права безъ согласія народного представительства ни собирать налоги съ народа, ни приывать народъ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Гос. Думу, вы вправе не давать ему ни солдатъ, ни денегъ“ и т. д. Это — именно точка зрѣнія законности.

совые“ интересы. Их может смутить вопрос о „справедливомъ вознагражденіи“ за должествующія отойти къ крестьянамъ частновладельческой земли. Они могут подумать, что въ глазахъ Учредительнаго Собранія наиболѣе справедливымъ вознагражденіемъ за такія земли явится вознагражденіе, *равное нулю*. И надо признать, что подобное опасеніе не было бы лишено всякаго основанія. И именно потому общественные слои, представляемые кадетской партіей, должны теперь рѣшить вопросъ о томъ, какой интересъ имъ дороже: свой классовой, или же общенародный. Какъ разрѣшать они этотъ вопросъ? Я не хочу пускаться въ предсказанія на этотъ счетъ.

Замѣчу одно: отрицательное отношеніе ка-детской партіи къ пропагандѣ въ народѣ идеи созыва Учредительнаго Собранія наглядно показало бы всѣмъ, имѣющимъ очи, что ка-деты защищаютъ общенародный интересъ лишь до известнаго предѣла, лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ въ столкновеніе съ ихъ классовымъ интересомъ, а въ случаѣ такого столкновенія, они приносятъ первый интересъ въ жертву второму. Вотъ почему я полагаю, что „Рѣчь“ очень хорошо сдѣлала бы, если бы она какъ можно чаще напоминала своимъ читателямъ о томъ, „что еще рано заботиться о своихъ *классовыхъ* интересахъ, и что необходимо прежде всего обезпечить *общенародное дѣло*, нисколько не ограждаемое существующими лишь на бумагѣ правами“. Если читатели „Рѣчи“ согласятся съ этимъ, то они непременно должны будутъ высказаться за созывъ Учредительнаго Собранія, потому что при нынѣшнихъ нашихъ условіяхъ нѣтъ и не можетъ быть другого средства сколько нибудь серьезно „оградить общенародное дѣло“. Вѣдь новая Дума можетъ быть также разогнана, какъ была разогнана старая. Вѣдь только представители *самодержавнаго* народа могутъ не бояться интригъ *реакціонной* камарилли.

Эта неоспоримая истина должна быть разъяснена всѣмъ русскимъ гражданамъ. И разгонъ Думы чрезвычайно облегчилъ народу усвоеніе этой неоспоримой политической истины, а когда она будетъ имъ усвоена, тогда пѣсенка реакціонной камарилли будетъ окончательно спѣта.

Дружная, планомерная, неутомимая, широкая пропаганда въ народѣ и въ арміи идеи созыва Учредительнаго Собранія является единственнымъ достойнымъ отвѣтомъ на разгонъ Государственной думы. Кто откажется отъ пропаганды этой идеи подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, тотъ дастъ ясно понять, что онъ въ сущности и не ищетъ достойнаго отвѣта на дѣйствія г. Столыпина и К^о; что онъ, хотя бы и скрѣпя сердце, примиряется съ этими дѣйствіями; что онъ возстаетъ противъ нихъ только на словахъ, только для виду.

И тутъ не могутъ послужить смягчающимъ обстоятельствомъ никакіе призывы къ народу на счетъ отказа отъ уплаты податей и т. п. Кто зоветъ народъ къ сопротивленію, тотъ обязанъ разъяснить ему, во имя чего ему надо сопротивляться. А какъ разъяснять это народу авторы Выборгскаго манифеста?

На защиту какихъ правъ зовутъ они его? Они сами прекрасно знаютъ, что въ настоящее время *политическія права* нашего народа ровно ничѣмъ не отличаются отъ *политическаго безправія*, и что единственное *право*, которое стоитъ того, чтобы народъ доложилъ имъ, заключается въ „*прирожденномъ*“ правѣ завоеванія себѣ широкихъ *писанныхъ* правъ. А такихъ правъ не дастъ ему Дума, дѣятельность которой въ каждую данную минуту можетъ быть приостановлена по капризу реакціонной камарилли.

Сама по себѣ покойная Дума была ничто. Вся ея политическое значеніе опредѣлялось тѣмъ, что она служила

орудіемъ политическаго воспитанія нашего народа. Войкотъ Думы былъ большой ошибкой только потому, что онъ не давалъ воспользоваться этимъ орудіемъ. Участіе въ Думѣ должно было привести къ тому, чтобы народное политическое сознаніе пошло дальше тѣхъ крайне низкихъ предѣловъ, которые были поставлены нашему „первому парламенту“; къ тому, *чтобы это сознаніе доразвилось до мысли объ Учредительномъ Собраніи*. Разгонъ Думы долженъ явиться такимъ же орудіемъ политическаго воспитанія народа, какимъ являлась до сихъ поръ ея *дѣятельность*. Имъ необходимо воспользоваться для того, чтобы показать народу полную несостоятельность нынѣшней нашей „конституціи“. Но при нынѣшнихъ нашихъ условіяхъ конституція, заслуживающая этого названія, можетъ быть выработана *только* Учредительнымъ Собраніемъ.

Вотъ почему пропаганда въ народѣ и въ арміи идеи этого Собранія является теперь единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ борьбы за политическую свободу.

Этимъ я не говорю, что враги реакціи должны бойкотировать ту Думу, которую обѣщаютъ намъ созвать въ февралѣ будущаго года. Вовсе нѣтъ. Войкотъ былъ и останется вреднымъ для дѣла политическаго воспитанія народа. Но, отказываясь отъ бойкота, какъ отъ нецѣлесообразнаго приѣма борьбы, враги реакціи должны самые выборы въ будущую Думу сдѣлать средствомъ пропаганды идеи Учредительнаго Собранія. Только при этомъ условіи участіе въ выборахъ дастъ для политическаго воспитанія народа все то, что оно можетъ дать.

Правительство г. Столыпина ликуетъ по поводу того спокойствія, съ которымъ народъ почти вездѣ встрѣтилъ разгонъ Думы. Оно такъ обрадовано этимъ спокойствіемъ, что становится всею щедрымъ на обещанія: мы, дѣлать, будемъ либеральны, и сожалѣнія о Думѣ лишатся всякаго смысла. Но, не говоря уже о томъ, что русскіе граждане прекрасно знаютъ цѣну правительственному либерализму, я спрошу: какъ представлялъ себѣ г. Столыпинъ возможный отвѣтъ народа на разгонъ Думы? Ждалъ-ли онъ *немедленнаго возстанія*? Повидимому, да. Но если онъ въ самомъ дѣлѣ ждалъ его, то онъ очень и очень ошибался. Въ настоящую минуту возстаніе могло бы быть только *вспышкой* народнаго негодованія, *бунтомъ*, который безъ труда подавили бы власти; *но намъ не нужны бунты и вспышки: намъ нужна побѣдоносная революція*. А побѣдоносную революцію надо еще подготовить цѣлымъ рядомъ агитаціонныхъ и организаціонныхъ усилій. Теперь это понимаютъ, какъ видно, даже тѣ и въ революціонеровъ, которые еще недавно смѣшивали *вспышечное* пускательство, — какъ выражались у насъ въ семидесятыхъ годахъ, — съ революционнымъ способомъ дѣйствій. И потому, что это понимаютъ теперь даже эти отсталые сторонники свободы, дѣло революціи стоитъ въ настоящее время *прямо* нѣтъ, чѣмъ когда бы то ни было. Спокойствіе нашего крилатаріата указываетъ лишь на то, что въ его средѣ *стѣнчатость уступаетъ мѣсто сознательности*. А это составляетъ первое условіе успѣха революціи.

Въ крестьянствѣ, правда, сильна еще стихійность, и потому можно опасаться, что когда крестьянство дастъ себѣ отчетъ въ томъ, что означаетъ для него разгонъ Думы, то оно не останется спокойнымъ. Но преждевременные крестьянскіе взрывы будутъ вредны для торжества революціоннаго движенія, и потому сознательные участники этого движенія обязаны приложить всѣ усилія къ тому, чтобы столь отрадное для г. Столыпина спокойствіе до поры до времени нарушалось какъ можно рѣже.

Итакъ, если народное спокойствіе радуетъ г. Столыпина, то мы постараемся продлить его радость. Мы позаботимся

о томъ, чтобы спокойствіе не было нарушено до тѣхъ поръ, пока не будетъ обезпечено торжество революціи.

Въ № 126 „Рѣчи“ описывается митингъ, происшедшій въ слободѣ Покровской, Сам. губ., въ воскресенье, 9-го іюля (ст. ст.), по поводу разгона Думы. На этомъ митингѣ слушатели кричали: „Нужно, чтобы было созвано Учредительное собраніе!“ а ораторы совѣтовали народу „ждать, что скажутъ о роспускѣ Думы Петербургъ и Москва, а пока разойтись и оставаться спокойными“.

Спокойствіе, которое рекомендовали народу покровскіе ораторы, будетъ не укрѣплять положеніе г. Столыпина, а ослаблять его, и намъ нужно побольше такого спокойствія.

Какъ много еще нужно сдѣлать намъ въ смыслѣ пропаганды, агитаціи и организаціи, видно изъ того, что до сихъ поръ существуютъ крупныя промышленныя центры, — напримѣръ, Иваново-Вознесенскій, Донецкій, Брянскій, въ которыхъ наше вліяніе совсѣмъ еще не такъ сильно, какъ оно могло бы и должно было бы быть. Въ этихъ центрахъ еще сильна черная сотня, т. е. слабо классовое самосознаніе пролетаріата. А какъ легко подвинуть его впередъ, это показываютъ хотя бы слѣдующіе факты, сообщаемые бахмутскимъ корреспондентомъ „Рѣчи“ (№ 125).

Указавъ на то, что теперь въ Бахмутскомъ уѣздѣ часто происходятъ большія рабочія собранія, г. корреспондентъ прибавляетъ:

„Открытое общеніе рабочихъ на митингахъ уже принесло плоды. Еще недавно славился своими чернотенцами и хулиганами щербиновскій рудникъ. Во время погромовъ этотъ рудникъ давалъ главные кадры погромщиковъ.“

„Теперь рудникъ преобразился до неузнаваемости. Нѣтъ не только прежняго хулиганства, а, напротивъ, рабочіе этого рудника сьорганизовали изъ своей среды боевую дружину въ 500 человекъ. Дружинники разбиты на двѣ роты. Въ каждой ротѣ ротный командиръ и 10 низшихъ начальниковъ. Дружина эта охраняетъ всѣ собранія и митинги рабочихъ. Здѣсь же, въ Щербиновѣ, рабочіе устроили свой „рабочій, народный судъ“, не желая имѣть дѣло съ официальными судебными институтами. Этотъ народный судъ въ Щербиновѣ функционируетъ довольно правильно“.

При планообразной работѣ мы очень скоро поставимъ подъ революціонное знамя даже самыя отсталыя слои пролетаріата. А за ними пойдутъ крестьяне. Что и здѣсь мы работаемъ, — когда работаемъ, — очень удачно, это извѣстно всѣмъ членамъ нашей партіи, и это видно изъ другой корреспонденціи той же „Рѣчи“.

Описавъ митинги, устраиваемыя въ деревняхъ с.-р. и с.-д. нижегородскій корреспондентъ этой газеты указываетъ на совершающуюся въ крестьянской средѣ организаціонную работу.

Послѣ митинговъ идетъ организаціонная работа. Устраиваются своего рода деревенскіе политическіе клубы, съ партійной окраской, куда посылаются газеты всѣхъ направленій и книги, учреждается маленькій „комитетъ“ изъ 5—10—13, а въ одномъ мѣстѣ даже изъ 40 крестьянъ, руководящій работой. На время, въ такомъ кружкѣ, поселяется агитаторъ и ведетъ кружковую работу, разбивъ сочувствующихъ своей партіи на слѣды по 10—18 человекъ, занимаясь съ ними въ свободное время по программѣ своей партіи. Особенно это хорошо оборуководано у с.-д. Крестьяне охотно прослушиваютъ по 10—12 бесѣдъ, начинающихся съ исторіи крѣпостного права, исторіи революціи съ окраской классовыхъ противорѣчій, эксплуатаціи рабочихъ капиталистами, положеніемъ пролетаріата, развитіемъ капитализма и кончая аграрнымъ вопросомъ, социализмомъ и обзоромъ программъ всѣхъ партій.

Нерѣдко послѣ нѣсколькихъ кружковыхъ бесѣдъ, крестьяне требуютъ дискуссій и тогда желаніе ихъ исполняется, и гдѣ-либо въ явную выступаютъ передъ ними для составленія на-дегъ, эо-еры и эо-деки.

Все это имѣетъ громадное политическое воспитательное значеніе для нашего крестьянства. Нерѣдко на этихъ митингахъ можно видѣть женщинъ и дѣвушекъ.

По окончаніи кружковыхъ занятій крестьяне, съ организовавшись въ партійный а большей частью, безпартійный, простодемократическій коллективъ, раздѣляютъ работу пріѣзжихъ, сами агитируютъ и выступаютъ на сельскихъ сходахъ и разныя скопищахъ народа.

Намъ извѣстно, что у одной только с.-д. партіи работа велась за эти мѣсяцы болѣе, чѣмъ въ ста деревняхъ всѣхъ уѣздовъ“.

Это уже весьма хорошо, а нужно, чтобы было еще гораздо лучше, нужно, чтобы вся крестьянская Россія подверглась такому воздѣйствію нашей партіи. Мы не можемъ побѣдить, не сдѣлавъ этого; а сдѣлавъ это, мы не можемъ не побѣдить.

Не можемъ не побѣдить, если при этомъ будетъ соблюдено еще одно условіе: систематическое воздѣйствіе на армію. Въ брошюрѣ „О Государственной Думѣ“, вышедшей не дальше, какъ въ 1905 г., П. П. Орловскій писалъ (ст. 18): „пусть дружно поднимется народъ, и солдаты перейдутъ на его сторону и пойдутъ противъ кровопийцъ“. Такого легкомыслія нельзя было ожидать даже отъ легкомысленнаго т. П. Орловскаго. Войско уже затронуто революціонной пропагандой, но пока еще все таки недостаточно „дружно подняться“ народу, чтобы оно перешло на его сторону. Нѣтъ, несмотря на несомнѣнные успѣхи революціонной пропаганды въ арміи, здѣсь нужна еще очень упорная революціонная работа. Эта работа можетъ быть облегчена содѣйствіемъ намъ со стороны сознательныхъ слоевъ населенія, которые должны воспользоваться своими связями съ войскомъ, — такія связи есть почти въ каждой семьѣ, потому что почти каждая семья поставляетъ на службу хоть одного солдата, — для воздѣйствія на него въ революціонномъ смыслѣ. Но эту работу все таки необходимо сдѣлать прежде, чѣмъ звать народъ на бой. Въ противномъ случаѣ мы сослужимъ службу не себѣ, а г. Столыпину и прочимъ „либераламъ“ его отпаты.

На Западѣ ни одинъ социалдемократъ не напишетъ того, что написалъ т. П. Орловскій, а у насъ онъ гордо считаетъ себя представителемъ передоваго теченія въ социалдемократіи. Впрочемъ, я надѣюсь, что теперь этотъ „передовой“ человекъ и самъ уже не рѣшился бы повторить то, что съ легкимъ сердцемъ писалъ онъ въ прошломъ году. И во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что у нашего пролетаріата достаточно здраваго смысла, чтобы какъ слѣдуетъ оцѣнить легкомысліе т. П. Орловскаго.

Пролетаріатъ пойдетъ въ бой не тогда, когда это удобно будетъ г. Столыпину, а лишь тогда, когда это удобно будетъ для него самаго. А для него самаго это удобно будетъ только тогда, когда революціонное настроеніе овладѣетъ всѣмъ народомъ и значительной частью войска.

И дѣло очевидно идетъ къ этому. Нужно только, чтобы „общество“ поддержало усилія революціонеровъ. Если „общество“ исполнитъ свою обязанность, какъ, навѣрно, исполняютъ ее революціонеры, то уже не долго придется намъ ждать того времени, когда нынѣшнее наше „общее горе“ станетъ для насъ источникомъ общей радости.

P. S. Эта статья была написана подъ непосредственнымъ впечатліемъ разгона Государственной думы т. е. стало быть, еще до военныхъ возстаній въ Свеаборгъ, Кронштадтѣ, Дашлагарѣ и т. д. и до всеобщей стачки, въ значительной степени вызванной этими возстаніями. О значеніи этихъ возстаній и этой стачки я поговорю въ слѣдующемъ № моего „Дневника“, а теперь пока замѣчу, что все, что я зналъ о нихъ, еще болѣе укрѣпляетъ меня въ томъ взглядѣ, который высказанъ мною въ этомъ №: намъ нужно не взыщископательство; взышки только ослабляютъ насъ; намъ нужна побѣдоносная революція, а къ ней необходимо дене готовиться.

Редакторъ-изд. М. МАЛЫХЪ.

Складъ изд.: книжный магаз., „Трудъ“ Невскій, 60.